МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА», ПРОВЕДЕННОГО ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ «Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования»

В.Э. Бойков,
доктор философских наук, профессор

Уважаемые коллеги! Заседание «круглого стола» на тему «Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования» было проведено в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. Вам представлены материалы очередного этапа исследования состояния исторического сознания и исторической памяти в российском обществе, проведенного Социологическим центром РАГС. Уместно напомнить, что такого рода исследования мы проводим с различными временными интервалами уже более 10-ти лет. Это позволяет составить представление о динамике изменений субъективного отношения разных слоев и групп населения к историческим событиям, ценностям, к отечественной истории в целом.

Нас, естественно, интересуют суждения участников заседания «круглого стола» по тем актуальным вопросам, которые сформулированы в пригласительном билете. Но, разумеется, высказываться можно по более широкому кругу вопросов.

Позвольте поделиться некоторыми соображениями по существу рассматриваемых исследовательских материалов.

Как известно, историческое сознание и народная память, отражая события минувших веков, обращена вместе с этим к опыту текущей жизни и будущему народа, страны и государства. Именно поэтому в совокупности представлений, оценок, настроений и других форм проявления общественной психики, связанных с восприятием отечественной и мировой истории, наблюдается широкое многообразие суждений. Это выражается, в частности, в различиях понимания исторического прошлого представителями разных социальных категорий населения. Но главная проблема, на мой взгляд, заключается в том, что основная часть участников опроса (респондентов) считает, что настоящее состояние России, российского общества, гражданского самосознания и т.д. существенно проигрывает в сравнении со многими достижениями прошлых периодов российской истории. Именно на этой почве раздваивается сознание. Это проявляется, например, в том, что люди чтут ценность патриотизма, но при этом не видят большого смысла в следовании патриотическим принципам в личной жизни.

Совокупность социологических материалов показывает относительно большую в количественном и в качественном плане приверженность традиционному российскому патриотизму представителей старших возрастных групп населения в сравнении с патриотическими ориентациями молодежи.

Возможно, это обусловлено тем, что прежде формированию патриотизма народа была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры – библиотек, театров, музеев и т. д. Речь сейчас идет не об идеологическом содержании, а об организационной и финансовой основе этой системы. Она позволяла достаточно эффективно решать задачи культурного тиражирования и иной поддержки важнейших направлений духовного производства. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, культуры и в значительной степени образования. Уменьшились не только объемы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и ухудшились возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.

При снижении уровня духовного производства и определенной утрате нормативного контроля над его содержанием оказалась ослабленной традиционная для российского общества просветительская роль прессы, литературы и искусства. Теперь неясно, кто преимущественно и в каком направлении выполняет «пастырскую» миссию утверждения ценностных ориентиров жизни и нормативно-практических регуляторов поведения.

Но межпоколенческие расхождения в историческом сознании обусловлены не только этим. Пожалуй, не меньшее значение имеет то, что за последние десятилетия в российском обществе существенно изменилась ценностная структура общественного сознания. В ней приобрели доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения. Эта эволюция взглядов выразилась в приоритете терминальных социальных ценностей (личная безопасность, здоровье, семья и дети, комфортная жизнь и др.) над инструментальными ценностями (профессионализм, образованность, нравственность, межэтническая толерантность, патриотизм и др.).

Имеются и другие не менее насущные проблемы, которые предлагается обсудить на заседании «круглого стола».

В качестве резюме уместно заметить, что радикальные изменения, происходящие сейчас во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на массовое сознание в целом и на восприятие событий прошлого. В этих условиях исключительно большое значение приобретает ориентация ученых социально-гуманитарного профиля, всей системы образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры, средств массовой информации на формирование позитивного отношения населения к отечественной истории. Без этого невозмож-

но решение задачи подлинно государственной важности – задачи консолидации российского общества на единой духовной основе.

А.Н. Медушевский,
доктор исторических наук, профессор

Прежде всего, следует констатировать принципиальное различие подхода историков и социологов к историческому прошлому и его восприятию. Первые изучают реальный исторический процесс, опираясь на исторические источники как реализованный продукт целенаправленного человеческого поведения и видят свою задачу в реконструкции исторического прошлого на доказательном уровне. Вторые изучают восприятие истории массовым сознанием, причем безотносительно к тому, насколько укорененные в нем стереотипы соответствуют исторической реальности. Первые аккумулируют знание, вторые – социальный опыт (который может соответствовать знанию, но может и противоречить ему). Социологический подход, следовательно, вольно или невольно, тяготеет к принятию релятивистских трактовок прошлого, исходящих из того, что история есть «политика, опрокинутая в прошлое», пишется каждым поколением заново, является не столько наукой, сколько инструментом политики, а содержание всех основных категорий исторического познания можно наполнять различным содержанием исходя из социального заказа и прагматических соображений. Но такой подход ведет к подмене понятий: история как реальный процесс начинает выступать как виртуальный объект. В связи с этим интересны данные проекта об отношении респондентов к истории и оценке своих знаний в этой области. По этому вопросу центры изучения общественного мнения публикуют принципиально различные данные за последние годы: согласно одним исследованиям (ВЦИОМ) большинство россиян не интересуется историей, а хорошее знание в этой области (на уровне ЕГЭ) демонстрирует всего 2%; согласно другим данным (ЦИРКОН) интерес к истории, напротив, является превалирующим и его демонстрирует до 70% населения. В исследовании Социологического центра РАГС активный интерес проявили 25%, а пассивный – около 50%. Соответственно различна оценка респондентами собственных знаний по истории: от 2%, по данным ВЦИОМ, до 8%, по данным представленного проекта. Объяснить существование противоположных или сильно отличающихся выводов возможно различием методики опросов, а именно, качественным различием интерпретации понятия «интерес к истории»: в одних опросах имеется в виду интерес на уровне когнитивного понимания смысла (связи явлений), в других – интерес на уровне романтически идеализированной «медиаистории».

В связи со сформулированной проблемой соотношения опыта и знания значительный интерес представляют данные проведенного опроса

по теме источников формирования исторической картины мира в общественном сознании. Ими являются: а) средства массовой информации; в) беседы с людьми старшего поколения, родственниками и друзьями; с) учебная и, возможно, научная литература, чтение источников (семейные архивы). Приведенные данные нуждаются в интерпретации. Обращает на себя внимание преобладание в этом меню, во-первых, вторичной (учебной) информации и визуальных СМИ (кино и телепередачи), доля которой составляет до 70%: эта информация не добывается индивидами самостоятельно, но транслируется в готовом виде извне.

Значение персонифицированных источников информации, к которым группа индивидов, сомневающихся в официальной версии, испытывает «доверие» (около 30%): этим, возможно, объясняется нетипичный феномен сходства оценок исторических событий, продемонстрированный представителями младшего и старшего поколений.

Отметим также процентное соотношение телевидения и других источников информации: оно показывает манипулятивный характер ее воздействия на массового человека, в результате которого вырисовывается картина прошлого, далекая от реальности, но удобная политической элите по тем или иным причинам. Обратная реакция общества на манипуляцию прошлым выражается в своеобразном феномене информационной агрессивности, поиске альтернативных (официальным) героев и антигероев. Поразительный по своей иррациональности пример позитивной оценки И.В. Сталина молодежью (2/3), возможно, отчасти относятся к проявлениям реакции на навязываемые стереотипы, вариант «протестного» голосования.

Манипулятивный характер воздействия информации подтверждается интересным признанием респондентов: причиной недостаточного знания истории они указали «большое количество противоречивой информации», «плохую подачу материала», «отрывочность сведений» (это признают от 30 до 40% опрошенных) и, что принципиально важно, констатация «отсутствия документальных свидетельств» (18%), «трудности с получением доступа к архивным данным (11%) – само упоминание об этом свидетельствует о недоверии к формируемой картине исторического прошлого и стремлении к самостоятельной проверке достоверности оценок прошлого по оригинальным источникам. То, что история России в XX в. неоднократно подвергалась модификации и фальсификации режимом, начиная с революции 1917 г., не способствовало утверждению идеи научного характера ее познания. Следствием манипуляций с историческим сознанием стали его современные диспропорции и очевидные искажения, картина которых представлена новейшими исследователями. Они относят сюда: аморфные представления о дореволюционном периоде истории, связанные с сохранением идеологических стереотипов, внедренных в советское время; представление о сталинизме как эффективной социальной

модернизации; рассмотрение «брежневизма» как господства «социальной справедливости и социального оптимизма», а перестройки, напротив, как начала кризиса, последующих реформ как этапа всеобщего социального неравенства и «бездуховности». В поиске достойных символов российской истории население ограничивается периодом 1945–1970 гг., причем, как это ни поразительно, основная масса россиян «сознательно или бессознательно идентифицирует себя с брежневским периодом»![1] В этой перспективе целесообразно более детально выявить влияние на формирование мировоззрения молодежи официальной пропаганды и различных видов источников информации, их наложения и взаимную конкуренцию, в том числе Интернета и телевидения, учебников и единого государственного экзамена, персональных контактов (сетевых и несетевых), «бульварной» литературы в соединении с визуальными формами воздействия и другие.

Ряд общих ключевых понятий, ставших предметом исследования, вводит людей в заблуждение и нуждается в конкретизации или разделении на составные элементы. Нет, вероятно, более дезориентирующего понятия, чем «патриотизм» и приводимые в исследовании общие цифры, отражающие дружный рост патриотических настроений. Результаты анализируемого исследования оказались в этом отношении противоречивы: с одной стороны, они свидетельствуют о росте декларативного патриотизма (патриотами объявили себя около 70% граждан, а 50% заявили о существовании гражданской позиции). С другой стороны, эти данные едва ли соотносятся с другими: выясняется, что значительная часть респондентов, в целом от 20% до 30%, отмечает безнравственность, отсталость и агрессивность народа, не верит в будущее страны и стремится к эмиграции, хотя среди ее мотивов преобладают экономические, а не идейно-политические. В понятие «патриотизм» большинство респондентов (до 70%) вкладывают «преданность стране» и «уважение памяти прошлых поколений», однако очевидно, что характер этих формул будет меняться в зависимости от того, какое направление получит их интерпретация. Целесообразно выяснить, о каком патриотизме идет речь – гражданском, национальном (или даже этническом), конфессиональном, советском или локальном – все они (согласно данным ВЦИОМ) полноценно присутствуют в российском социуме[2]. Далее, охватывает ли масштаб понятия «общество» или «государство» и соответственно является ли развитие чувства патриотизма признаком консолидации гражданской нации на новых демократических основах или, напротив, признаком растущего конформизма и отчуждения от власти,

---

[1] См.: *Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э.* Историческое сознание молодежи // Вестник РАН. — 2010. — № 3.— С. 195 — 203.

[2] Об этих опросах см. напр.: Коммерсант. — 2010.— № 110.— 23 июня. — С. 3.

которые впоследствии могут проявить себя в традиционных российских формах деструктивного протеста.

Чрезвычайно информативны результаты обсуждаемого исследования по вопросу структуры исторической памяти. Она, несомненно, ориентирована на приоритеты государственного развития. Обращает внимание превалирующий интерес не к истории российского общества, но государственности и «великим людям» (в совокупности около 90%). Однако в исследовании представлен более широкий диапазон данных об оценке обществом наиболее значимых событий российской истории.

В отличие от статической картины, представленной структурными параметрами памяти, динамика ее развития гораздо более информативна, поскольку позволяет выявить тенденции анализируемых процессов. С этой точки зрения заслуживает несомненной поддержки то, что данные исследования проводятся достаточно длительный период времени и на базе неизменных методологических критериев, что важно для сопоставимости получаемых результатов за ряд лет. В этом контексте стимулирующим является выявление разнонаправленных векторов общественного сознания по отношению к историческим событиям сравнительно недавнего прошлого. Один вектор, обычно констатируемый социологами, состоит в сохранении ряда стереотипов советского прошлого, которые, если верить полученным данным, даже усиливаются. Этот вектор представлен позитивными оценками Октябрьской революции, ленинизма и сталинизма (до 51%) и, напротив, негативными – горбачевской перестройки и реформ Ельцина (позитивное отношение к ним высказывают от 25 до 30%). Однако присутствует и другой вектор: рост положительной динамики в отношении либеральных реформ Александра II и реформ конца 90-х гг. XX в. При этом значение имеет не абсолютный порядок цифр (которые остаются низкими), но именно динамика роста поддержки, что особенно инструктивно, учитывая практически полное выпадение этой тематики из официально санкционированной информационной картины мира. В оценке позитивных черт правления президентов Горбачева и Ельцина наибольшее внимание привлекли «чувство нового» и «демократичность» (от 20 до 30% опрошенных). Важно, что наибольший процент позитивных оценок принадлежит именно молодежи, высокий уровень поддержки выявлен у респондентов от 18-ти до 30-ти лет. Отражает ли это явление формирование среднего класса и рационально мыслящей интеллектуальной элиты, способной возглавить процесс модернизации? Хотелось бы верить, что так.

Каков общий итог данного исследования? Он видится в констатации разрыва подлинного научного знания об истории и мифологизированной картины мира массового сознания. Исследование подтверждает диагноз о господстве в общественном сознании своеобразной исторической роман-

тики – приукрашенной картины прошлого, направленной на мобилизацию общества вокруг мифологизированных символов государственности. В политической области это означает индифферентность значительного числа людей в отношении гражданского общества и правового государства, скептицизм в отношении модернизации «по западным лекалам», желание сохранить традиционалистские институты и стереотипы социального поведения.

Однако на этом общем фоне существует небольшой процент населения (от 10 до 20%), не утратившего способности к критическому осмыслению общественных явлений и, в частности, способности к научному анализу исторических явлений и памяти о них. Заслугой проведенного исследования можно считать то, что эта социальная категория – не растворилась в общей массе как статистическая погрешность, но была четко обозначена в оценке ключевых элементов структуры и динамики исторической памяти. Эта констатация разрыва между профессиональным (или близком к нему) и массовым восприятием истории актуальна при решении вопроса о границах применения мнипулятивных технологий, использования так называемой «исторической политики» или «политики памяти» в современных информационных войнах. Даже в тех странах, где спорное понятие «историческая политика» было изобретено и получило широкое распространение, отношение к нему неоднозначно: одни считают направленное формирование картины прошлого – основным способом обретения национальной идентичности, другие полагают, что «долг памяти» есть не что иное, как моральный прессинг, ограничивающий свободу интеллектуальной дискуссии и подменяющий научные аргументы этическими и политическими. Трудность проблемы усугубляется тем, что единства взглядов по ключевым проблемам российской истории и доказательной базы их оценок нет в самом профессиональном сообществе[1]. Тем не менее продвижение вперед в расширении знаний о прошлом возможно только по линии профессионального и доказательного знания.

В начале выступления мы выдвинули проблему о соотношении знания общества и знания профессионалов. Они взаимодействуют, развиваются параллельно или противоречат друг другу? Развитие данной темы в социологических исследованиях было бы важно для решения актуальной задачи – сближения этих двух позиций за счет преодоления разрыва массового сознания и научного, экспертного, знания в контексте общей рационализации и демифологизации представлений нашего общества.

---

[1] См. Материалы «круглых столов»: «Февральская революция в российской истории» //Отечественная история — 2007.— № 5; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Отечественная история. — 2008. — № 6.

Представленное статистическое исследование исторической памяти российского общества подчеркивает актуальность выяснения научного характера истории как строгой и точной науки. Оно способствует если не преодолению, то объяснению мифов исторической романтики и побуждает профессиональное сообщество к поиску ответа на новый вызов массового общества, делая необходимым для ученых историков и социологов, говоря словами Л. Февра, повернуться лицом к ветру.

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН

Материалы настоящего исследования продолжают традицию, которая начата в 1990 г., когда было проведено первое социологическое исследование по проблемам исторического сознания. Отрадно, что Социологический центр РАГС к этой проблеме возвращался неоднократно. И сейчас мы имеем новый срез, который добавляет к ранее полученным данным ряд новых принципиальных моментов и в то же время продолжает традиции, позволяя в мониторинговом режиме видеть изменения исторического сознания.

Прежде всего отметим, что в чистом виде историческое сознание и историческая память не существуют: они вплетены в общественное сознание, взаимодействуют с другими его формами, подвергаются их влиянию. Предпринятое Социологическим центром РАГС исследование показывает, что на формирование исторического сознания в первую очередь влияют следующие формы.

Во-первых, это средства массовой информации, и в первую очередь телевидение. А так как на телевидении преобладает тенденция изображать прошлое России, и особенно время советской власти, в негативном аспекте, мы видим плоды этого воздействия, которые подрывают веру в судьбу России и личную судьбу, заставляют людей пересматривать или приспосабливать свои взгляды к новым политическим реалиям. Это сопровождается приемами манипулирования, подтасовки, переноса акцентов на те или иные события и явления.

Во-вторых, огромное воздействие на историческое сознание оказывает литература, в которой многие исторические факты преподносятся с точки зрения попрания прошлого и попыток оправдать действия коллаборационистов и просто предателей, вроде генерала Власова, реабилитировать белоказацких генералов, воевавших на стороне гитлеровской Германии.

В-третьих, происходит неоднозначный процесс замещения работы библиотек Интернетом, который, по образному выражению, напоминает свалку всего на свете, в том числе и недостоверной информации. Если библиотеки стремились и преуспевали в формировании мировоззрения,

отношения к миру, то их вытеснение виртуальным миром несет несомненную угрозу.

И вот результат: 34% людей с высшим образованием не читают книг. Стремительно сокращается численность лиц, имеющих домашние библиотеки. Если в 1990 г. 10% людей имело в своих библиотеках свыше 1000 книг, то в 1995 г. – 5%, а в 2009г. их насчитывается только 2%. Незнание истории и рождает такие феномены, как то, что 25% людей признаются в том, что не знают отечественной истории, плохо разбираются в основных исторических событиях, а мнения и знание о них часто складывается под впечатлением увиденного кинофильма, дискуссий в Живом Журнале, сплетен в блогах.

Это создает питательную основу для произвольных толкований, наподобие тех, что в России никогда не было волонтерского движения (иначе говоря, добровольного, безвозмездного труда), что мы, мол, опять отстали от Европы, от США. При этом не принимается во внимание, что в русской общине существовала традиция – «Помочи», когда всем селом строили безвозмездно дома погорельцам или попавшим в беду односельчанам, не говоря уже об участниках комсомольских строек, освоения целины и т. д., где труд был подчинен общественно значимым целям в первую очередь.

Но особенно заслуживает внимания то, что большой бедой исторического сознания стало не только общенациональное забвение – национальное беспамятство, а то, что оно дополняется тем, что огромный его пласт, связанный с личной жизнью, с теми событиями и явлениями, которыми полна повседневность людей, также деформирован, обладает чертами стихийного манкуртизма. Надо понимать, что деятельность национальных героев, гениев, талантов, их подвиги и свершения хранятся в совокупной исторической памяти, как в своеобразном музее. Их знают по учебникам, по научной и художественной литературе.

К сожалению, большинство россиян имеет весьма приблизительное знание о своем генеалогическом дереве, часто не дальше третьего поколения, т. е. своего деда. Это особо проявляется в отношении людей к тому прошлому, в котором общественная ценность и личная память переплетаются особенно тесно. Как показывает исследование, здесь не все благополучно. Только 36% хранят ордена, медали, нагрудные знаки своих родных, участников Великой Отечественной войны. Только в каждой пятой семье имеются такие реликвии как письма с фронта. А что касается других реликвий – почетных грамот, удостоверений, личных вещей военных лет, одежды, дневников и рукописей, – то их хранят от 3,9% до 7,4% семей. И самое поразительное, что 56% в 2004 г. и 46% опрошенных в 2010 г. отметили, что у них ничего не сохранилось.

Как показывает тот же исторический опыт, знание «личной» истории возвышает человека, облагораживает его поведение, делает его жизнь бо-

лее полной и значимой даже в том случае, если в его родословной не было ни дворян, ни купцов, а были только крестьяне, рабочие или служащие. Не эта ли реакция на прошлое своей семьи породила такие удивительные и поразительные «открытия», сделанные многими амбициозными представителями интеллигенции (впрочем, не только ими), которые в 80–90-е гг. бросились искать свои корни, свои истоки. В эти годы прокатилась волна (в той или иной мере продолжающаяся и поныне) поиска своей причастности к дворянству, к купечеству и т. д. с целью доказать благородство своего происхождения. В этом вполне понятном и объяснимом желании разобраться в личном прошлом, в своем происхождении стало выделяться сомнительное стремление обязательно найти такое прошлое, полностью игнорируя реальные факты и даже отрицая свое «неблагородное» происхождение, как будто бы деятельность других сословий не заслуживает такой же гордости и уважения. На наш взгляд, это можно объяснить комплексом неполноценности, желанием добавить себе значимости для нынешней личной и общественной жизни, придать себе вес и значение, которых по каким-то причинам нет у этой категории людей. Не этим ли объясняется ажиотаж вокруг возрождаемых «дворянских» собраний, присвоения новых графских и княжеских титулов. Это не только своеобразная детская игра в «фантики» и «солдатики», а вполне реальные коммерческие проекты.

Как объяснить это реальное противоречие между общим и частным, между общественным и личным, особенно, если это касается глубинных устоев человеческого существования, его стойкости и уверенности в незыблемости своего «Я»? Как характеризовать личный срез исторического сознания, исторической памяти? На наш взгляд, можно говорить о его слабой развитости, о том, что оно низкокачественно, и осмелюсь утверждать, оно подрывает основы более высоких чувств - патриотизма, гордости за свою страну, готовности ее защищать и отстаивать ее интересы.

К сожалению, в России, такие традиции были или утрачены (для дворянских и купеческих семей) или не культивировались (для крестьянских и мещанских семей). Почему это случилось – тема отдельного разговора, хотя в социологической литературе уже имеются первые опыты (на основе биографического метода) обстоятельного анализа истории ряда семей в нескольких поколениях, что на первый взгляд воспроизводит образную, живую, раскрашенную всеми красками историю страны через историю семьи.

Вместе с тем характерно, то, что можно наблюдать тенденцию к преодолению стихийного беспамятства (манкуртизма), стремление дистанцироваться от исторического забытья. По последним социологическим данным регистрируется не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, ее объектов и символов. Молодежь участвует в поисках останков солдат Великой Отечественной

войны. Возрождаются местные музеи. Устраиваться памятные «сражения», идет интенсивный процесс возрождения истории своего ближайшего окружения. Однако согласно имеющейся информации, только 4% людей принимают непосредственное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33% отмечали, что они содействуют этому процессу, внося, в частности, некоторые средства в их восстановление. Иначе говоря, гражданская активность людей по отношению к своему историческому прошлому начала осознаваться и это порождает определенный оптимизм.

Н.М. Рогожин,
доктор исторических наук, профессор

Обсуждая вопросы, связанные с темой «Историческая память в российском обществе», следует уделить особое внимание проблеме возрастных отношений. Актуальность исследования межпоколенческого разрыва в исторической памяти в современную эпоху связана с социокультурными изменениями, которые происходят не только в России, но и во всем мире. Современные темпы общественных, культурных, профессиональных изменений столь динамичны, что старшее поколение стоит перед решением задач, с которыми не сталкивалось ранее. Это совершенно новые задачи, требующие нестандартных решений. Свобода мнений и независимость позиций, характерные для открытого общества, существенно изменили духовный климат взаимоотношений поколений. Свободное владение информацией, возможность пользоваться Интернетом и компьютером значительно расширили диапазон интеллектуальных ресурсов. Как убедительно показало исследование, проведенное под руководством В.Э. Бойкова, сегодня кино, телевидение и Интернет являются основным поставщиком информации, книга уходит из обращения. Возникают новые проблемы: снижается уровень знания и развития фундаментальной науки; классика в области искусства, интерес к культурному наследию подменяются массовой культурой и это часто становится предметом разногласий между поколениями. Молодое поколение имеет более высокие стандарты потребления и бытового комфорта. Традиционные формы общения на основе доброжелательности, сочувствия и сердечности заменяются отношениями потребительства, агрессивности, злобности и раздражения. Именно поэтому на органы государственного управления возлагается обязательство сохранять и распространять культуру взаимоотношений между поколениями, основанную на любви и заботе, симпатии и уважении.

В последние годы наиболее острым является этнический и исторический аспект отношений между поколениями. Появление ближнего зарубежья, территориальные претензии на исконные российские земли, национальные конфликты и религиозная нетерпимость все больше влияют на межнациональные отношения поколений. Молодежь живет в собственной

системе координат. В связи с этим сильно возрастает значение социально-гуманитарного знания. Распространение знаний о человеке, истории, культуре, бытии и политике должно занимать подобающее место в сознании личности. По результатам проведенного исследования, основным источником разногласий является крайне противоречивые данные многочисленных учебников и средств массовой информации.

Данные мониторинга Социологического центра РАГС свидетельствуют, что, по мнению большинства, ускорили прогресс России «Реформы Петра I», а не «Октябрьская революция» и не «перестройка». Однако не надо забывать, что культ Петра I непрерывно формировался и развивался государственной идеологией почти 300 лет, а для Петра идеалом был Иван Грозный.

Сегодня в очередной раз россияне ищут пути дальнейшего своего развития, а заодно и занимаются самоузнаванием: кто мы, какие, куда идем? Послевоенное поколение в 60 – 70-х гг. буквально одержимо страстью переделать окружающий мир и осчастливить человечество. Ради достижения этой цели оно было готово на самые отчаянные шаги, и, прежде всего, их, конечно, не устраивал существующий строй. Сегодня, когда осмысливаешь все это безрассудство, понимаешь, что истоки такой безответственности кроются в элементарном незнании и соответственно неуважении к тысячелетней истории своей государственности, ибо в сознании внедрялись преимущества советского периода. На разнице и сопоставлении советского и досоветского периодов рождалось диссидентство. Весь дооктябрьский период в преподавании и пропаганде занимал значительно меньше времени, чем советский. Надо восстановить связь времен, пропагандировать и внедрять в сознание глубину отечественной государственности. В этом наше самоуважение, достоинство и уверенность в будущем.

Особенности самобытной истории российской государственности – в постоянном взаимодействии центра и регионов, сочетании государственного и церковного управления, последовательной смене реформ и контрреформ. Но главное, это то, что государственность России возникла на основе земельной собственности. Основной формой оплаты труда государственных служащих, вплоть до реформ Петра I, был поместно-земельный оклад. Земля – основное богатство России, и расширение территории России – это, прежде всего, результат формирования и развития государственности. С этим наследием, обильно политом слезами и кровью, России расставаться нельзя.

В каждом из исторических периодов государственности России есть точки соприкосновения с сегодняшним днем, событиями, фактами, людьми, которые побуждают к аналогии и поиску адекватных решений.

Напомним, что все преобразования Петра I спровоцированы угрозой внешней опасности, а не отсталостью. Северная война дала толчок всем реформам. Нужны были деньги – и появляется соответствующая идео-

логия. Ее основой стало непререкаемое представление о неограниченной власти самодержавия, называемого в историографии абсолютной монархией.

Россия – страна с более чем тысячелетней историей. Эта история, как и история любой великой страны, содержит в себе и времена подъемов, и периоды кризисов. Войны, иностранные нашествия, внутренние смуты не один раз сотрясали Российское государство. Не просты были отношения власти и общества. Но верность России, ее культуре, ее духовным основаниям, ее способности объединять вокруг себя другие народы из века в век позволяли преодолевать эти кризисы. Россия обновлялась, укреплялась, росла. Идеи государственности не исчезли из памяти народа, они были тем компасом, который указывал дорогу вперед.

Особо надо отметить важность и необходимость экспертных опросов, которые проводит Социологический центр РАГС. Представленные материалы содержат очень интересные и порой совершенно неожиданные результаты. Мы видим, что повышается интерес к истории Российского государства, его экономике и военной истории, особенно не хватает знаний по истории древней Руси и средневековью, растет уверенность, что Россия будет великой державой, что русский народ высоконравственен, не завоеватель, а освободитель. В то же время население России в своем большинстве не верит в реальность итогов выборов и не видит смысла в добросовестном труде. Однако на вопрос «Что в прошлом или настоящем России вызывает у Вас стыд?», большинство респондентов ответило: «Ничто»!.

В.И. Меркушин.,
кандидат исторических наук, доцент

Историческая память – процесс организации, хранения, воспроизводства прошлого опыта народа, этноса государства с целью его возможного повторения в деятельности людей или возвращения в сферу общественного сознания.

Историческая память обладает удивительной способностью сохранять в сознании людей различные формы восприятия и отражения мира. Она обладает значительной силой как позитивного характера, сплачивающего людей, так и негативного, когда события прошлого становятся аргументом для решения актуальных проблем дня сегодняшнего. Историческая память может проявляться в интересах, знаниях, традициях, обрядах и других духовно-практических образованиях. Этот опрос вновь выявил высокий интерес населения к истории. 71,8% опрошенных, как показали исследования, проявляют интерес к истории. Тем самым еще раз подтвердились результаты других исследований, свидетельствующих, что победа в Великой Отечественной войне воспринимается и оценивается россияна-

ми как главное событие XXв., которое позволяет поколениям, вступающим в жизнь причислить себя к наследникам великого подвига народа. Не случайно на вопрос: «Какое событие 20-го века вы считаете самым важным в истории страны», 45,9% ответили – Великая Отечественная война 1941–1945 гг., далее следует Октябрьская революция 1917 г. – 11,8%, перестройка Горбачева – 9,0%, распад СССР – 6,3% и т. д.

Население России гордится массовым патриотизмом и героизмом людей на фронтах (82,5% опрошенных), подвигом тружеников тыла (61,7%), военным искусством полководцев (34,9%), быстрым техническим перевооружением армии (23,0%), перебазированием в кратчайшие сроки 1 238-ми предприятий (целая индустриальная держава), которые были перебазированы в восточные районы страны (20,4%) и т. д. События, которые вызывают наибольшие чувства горечи и боли у населения страны – это огромные людские потери (90,1%), массовое разрушение городов и сел (52,4%), факты репрессий по отношению к людям, вышедшим из окружения, находившимся на оккупированной территории, бывшим в плену (35,0%), уничтожением культурных ценностей (32,8%), пленением фашистами большой массы советских солдат и офицеров (25,5%) и т. д.

Вместе с тем более типичным для людей стало чувство наплевательского отношения к памяти. Не испытывают никакой гордости за свой народ, бессмертный подвиг в Великой Отечественной войне (2,9%), не испытывают никакой горечи и боли за массовые людские потери, разрушение множества городов и сел. А это в абсолютных величинах не такие уж малые величины. Более того, 38,7% опрошенных считают, что героизм в годы Отечественной войны был и самоотверженным и вынужденным, а 47% заявили, что героизм чаще был принудительным. Во многом это является следствием воздействия современных средств массовой информации, телепередач и т. п.

В глазах населения заметно возросла роль Сталина в войне. Очень положительно и положительно оценивают его роль 56,1% опрошенных.

Более реалистичным стал взгляд населения России на то, за что сражались в годы Великой Отечественной войны люди? За Отечество, за Родину – 78,9%, за родных и близких, которых могли уничтожить – 69,4% опрошенных.

Вместе с тем социологический опрос показал, что по самооценкам населения России, от 61% до 71% практически не знают истории России, родного края, нации или народа, представителями которого они являются. Тревожный симптом. Он свидетельствует о том, что далеко не везде преподается краеведение. По-видимому, надо исправлять данное положение. Тревожным обстоятельством является и тот факт, что только 5,1% опрошенных считают достаточным свой уровень знаний по истории для объ-

ективной оценки прошлого нашего народа и страны. 47% населения заявили, что их исторических знаний недостаточно или совсем недостаточно.

Следует признать, что население России считает, что наибольший вклад в победу над фашистской Германией внес СССР. Убеждены в этом 83,5% всех опрошенных. Историческая память этатична.

Отрадно, что в своих высказываниях люди высоко ценят роль Президента России, Государственной Думы, региональных и местных органов власти, политических партий, деятельность театров, библиотек в деле сохранения исторической памяти. Почти 100% опрошенных высоко оценивают в этом роль Президента России Д.А. Медведева, Председателя Правительства В.В. Путина, Государственной Думы, органов местного самоуправления, учреждений культуры (театров, библиотек), православной церкви.

Примечательно, что историческая память стала более действенной, Представители разных слоев населения регулярно участвуют в военно-исторических фестивалях, праздниках и акциях по охране и сбережению исторических памятников. Таких людей насчитывается в группах населения от 18 до 24 лет, от 25 до 29 лет, от 30 до 39 лет, от 50 до 59 лет – от 5 до 5,1%, т. е. каждый 20-ый опрошенный.

Проведенное социологическое исследование показало, что имеются разные мнения у различных респондентов в зависимости от образования, отношения к той или иной проблеме по вопросам оценки тех или иных исторических персонажей, исторических событий и явлений.

В.А. Михеев,
доктор исторических, профессор

Социологические исследования, проводимые по обсуждаемой проблеме выявили и зафиксировали растущий общественный интерес к истории, к ее методологическим и философским проблемам. В связи с этим представляется важным выделить три сюжета.

Первое. По результатам исследования можно сказать: историческая память как живая летопись, способность и свойство души помнить о былом чувствует себя теперь привольно. Вместе с этим констатируется, что историческая наука должна была дать ответы на важнейшие вопросы действительности, но ее современные познавательные возможности уже не могут удовлетворить новые потребности общественного развития.

Следует подчеркнуть, что социологи, историки, политологи, специалисты, как свидетельствуют выступления участников «круглого стола», увидели выражение этой народной потребности. Очень важным является теперь осознание учеными своей ответственности перед историей.

«Нет более огорчительного зрелища, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание»[1], – писал П.Я.Чаадаев. «Понять свой век, – значит, воскресить век минувший во всей его истине»[2], – отмечал А.С. Пушкин.

Данное положение остается актуальным и нацеливает на еще более напряженные поиски исторической истины, раскрытие ее на собственном историческом опыте, основанном на научных знаниях, передачу ее будущим поколениям в виде истории своего времени – такова, по нашему представлению, формула и смысл общественного и политического поведения ученых, исследователей и специалистов.

Второе. Проведенное исследование убедительно подтверждает, что в общественном сознании происходит процесс проницательного осмысления истекших двух десятилетий.

В исторической памяти все более проясняется значение современного российского общества; становятся общедоступными многие целевые установки периода 80 – 90 гг., в которых немного лжи, но преобладает не что иное, как обман. На вопрос: «Какие преобразования в отечественной истории ускорили прогресс в России, а какие не имели значения или задерживали ее развитие?», результаты респондентов по поводу двух последних значений (относительно перестройки 80-х годов и реформ 90-х) распределились соответственно 50,9% и 56%; 26,4% и 22,9% респондентов указали по поводу данных этапов: «трудно сказать».

В документальном фильме «Воробей», демонстрировавшемся на Московском кинофестивале, старик, доведенный до отчаяния и чувствуя свое бессилие что-либо изменить, говорит: «Это больше не моя страна. Это чужая страна!». В этом, вероятно, гиперболическом суждении есть суровая правда нашего «слетевшего с рельсов» времени.

Результаты выполненного Социологическим центром РАГС исследования исторической памяти свидетельствуют, что при анализе этого процесса целесообразно полнее учитывать глубинные интересы, проявления позиций представителей различных социальных групп; а также осуществлять изучение состояния исторической памяти на основе интегрированных измерений. Данный подход в социологии и политологии называют многомерным структурным выяснением, основные направления которого составляют четыре измерения:

1) интеракционное, т.е. взаимодействие на основе согласования интересов, взаимно сориентированных действий;

2) нормативно-институциональное с учетом анализа существующих социально-политических, правовых, экономических и этических норм, стандартов, уровней социальной ответственности, а также с учетом деятельности формальных и неформальных институтов;

---

[1] *Чаадаев, П.Я.* Сочинения и письма. — М., 1914. — Т.II.— С. 105.

[2] *Пушкин, А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. — М:Л., 1937 —1959. — Т 11. — С.181.

3) идейно-политическое – как совокупность идей, убеждений, ценностей, взглядов, брендов и т. д. Им уделено доминирующее внимание в проведенном исследовании;

4) координационно-ресурсного агрегирования интересов, возможностей и регулирования процессов доступа к общественным благам (богатству, власти, образованию, культуре, искусству, физкультуре и спорту и др.).

При этом очень важно исследовать и анализировать результаты на основе интегрированного учета названных измерений не отдельно, не по очереди каждого из них, а в их одновременных многосторонних проявлениях.

В свою очередь данный подход будет способствовать более полному исследованию столь важного феномена, как историческая память и вместе с этим выявлению наиболее острых противоречий, выражающихся в аномии, социальной фрустрации, в ложно-соотнесенных позициях представителей различных социальных групп, основанных на ошибочных, а возможно, преднамеренно ошибочных суждениях, вызванных скрытыми реальными процессами и результатами деятельности институтов власти.

Третье. В заключение следует подчеркнуть, что сегодня и в перспективе многое будет зависеть от способности осознания того, что «историческая память» российского общества должна быть одновременно предметом и объектом современной государственной политики.

Историческая память является важнейшим условием, способствующим поддержанию конструктивного социального диалога, интеграции и консолидации общества.

О.А. Митрошенков,
доктор философских наук, профессор

Вопрос о межпоколенческих отношениях обсуждается веками: ровно столько, сколько помнит и осознает себя человечество. Гомер устами своих персонажей говорил, что современное ему молодое поколение уже не то, что вот раньше были настоящие герои – Ахилл, Гектор. Лермонтов в стихотворении «Бородино»: «Богатыри – не вы…» и т.д.

С тех пор этот мотив регулярно возникает на страницах серьезных журналов; в метро и трамваях, а также на деревенских завалинках. И с то же регулярностью в каждом поколении появляются свои герои и образцы для подражания.

Правда, при этом старшие иногда говорят, что вот теперешней молодежи легко, а «нам пришлось пережить…». А младшие подчас думают, что вот были героические времена, а теперь места для подвигов уже и не осталось.

Однако прав, видимо, поэт, заявивший: *«Времена не выбирают, в них живут и умирают…»* (Б. Пастернак). Трудности, как и подвиги, бывают разные. И каждому поколению выпадает своя судьба, в которой есть место и трудностям, и героизму, и любви, и обычной жизни. Поэтому с этой точки зрения никаких конфликтов поколений нет. Есть недовольные поведением детей родители («Отцы и дети»).

Материалы исследования Социологического центра РАГС подтверждают этот тезис. В них никакого межпоколенческого конфликта, связанного с исторической памятью, не просматривается. Да, есть количественная разница в оценках разными поколениями разных исторических событий – где больше, где меньше, – но это не свидетельствует о конфликте. Есть, понятно, и искажения истории, они могут вызвать деформацию исторического сознания.

Однако пока, судя по исследованию, максимум разрыва наблюдается среди тех, кто хотел бы уехать из страны. Но это и понятно: молодежь более динамична, легка на подъем, она рассчитывает самореализоваться. Что касается оценок разных событий отечественной истории, то они производят сильное впечатление своей схожестью как у 18 – 25-летних, так и 50 – 60-летних. Но ни «разрыва» поколений, ни «молодежного» вызова сегодня как будто не существует, трудно усмотреть и возможности для его возникновения в обозримом будущем.

Объяснения этому положению, в частности, Ю.Левада, видит в следующем:

замкнутая, «вертикальная», структура общества необратимо разрушена в минувшие десятилетия. При всех катаклизмах и противоречиях произошедших переломов появились определенные контуры общества, которое вынуждено обращаться не к традиционным, а к современным референтам;

нынешние носители власти (или часть их) воспринимаются значительной частью населения, прежде всего молодыми людьми как выразители, даже инициаторы модернизационных перемен (исследование Социологического центра подтверждает эту мысль);

власть в стране в руках представителей поколения, условно говоря, 50-летних (45–55 лет) – наиболее «молодого» из поколений, которые реально могут претендовать на власть («поколение отцов»). Никакие сдвиги группового или персонального порядка этого положения не изменят. Все конфликты и колебания курса, сколь бы велики они ни оказались, могут происходить лишь *внутри* этой поколенческой группы и этой правящей элиты;

наконец, в обществе практически отсутствует «внешняя» оппозиция по отношению к правящей группе и ее лидеру (президенту). Действуют лишь различные группы давления на властные структуры.

Дело в том, что «временная» организованность общества (система связей, воспроизводящих его основные структуры, в том числе нормативно-

ценностную, при смене «человеческого материала») обеспечивается, прежде всего, социальными институтами. Соответственно общественно-значимые перемены связаны в основном с трансформациями этих институтов. «Поколенческая» составляющая перемен сводится к тому, что *одним из факторов* перемен оказывается деятельность относительно небольших групп молодых людей, ориентирующихся на нетрадиционные (часто внешние) образцы и способных влиять на элитарные слои и атмосферу общественной жизни.

«Разрыв поколений», о котором принято говорить, – это, по существу, ценностный раскол, воплощенный в противостоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, общественному строю. Такой раскол становился возможным в определенных обстоятельствах социально-исторического развития. В России он наблюдался не один раз в XIX и XX вв.

«Встроенные» в современные общественные институты механизмы перемен практически исключают (или делают заведомо неэффективными, а потому маловероятными) сокрушительные катаклизмы. Соответственно утрачивают смысл как «авангардистские», так и жертвенные роли молодежи в общественных переменах. И в сегодняшней ситуации внутри- и околовластные интриги не нуждаются в апелляции к молодежной (да и какой-либо иной массовой) поддержке.

Конечно, соотношение миров отцов и детей далеко не стабильно. Современная цивилизация «проспективна», обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения как бы учатся у младших. Старшие «учатся», «заражаются» от молодых (все менее многочисленных, но сильно действующих на общество) некоторыми элементами стиля поведения, речи, моды и т. п., своего рода «энергетикой» действия. Младшие играют в старших («Наши», «Идущие вместе» и т.п.).

Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть картину «завтрашнего» общества, если остается неясным, в какие социальные рамки выльются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а во «взрослении», формировании институциональной зрелости *общества*. Лозунги типа «Молодежь – наше будущее» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее – это то, что сделают с *бывшими молодыми* социальные институты и обстоятельства. Только в условиях социально «зрелого» общества подростковый или юношеский максимализм (примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности.

А.Б. Лиханова,
социолог

Самая важная задача всех социально ответственных интерпретаторов истории (ученых, политиков, журналистов, политологов), как нам представляется, заключается не только и не столько в том, чтобы давать знания, формировать интерес к истории, а в том, чтобы формировать у граждан страны уважение к своей истории. Об этом говорили, на этом настаивали почти все выдающиеся люди нашей страны (А.Пушкин, Л. Толстой, Н. Моисеев и многие-многие другие).

Что значит уважать прошлое? Коротко: стремиться видеть прошлое таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким кому-то хочется его видеть. В нашем исследовании эксперты задачу формирования уважения к прошлому страны, ее традициям поставили на первое место среди других также очень важных задач по улучшению состояния нашего общества. Почему так произошло? На наш взгляд, это объясняется тем, что среди ценностей исторической памяти самое главное – формирование уважения к истории, прошлому.

Помимо научной ценности, наше исследование отличается политической актуальностью. Еще год назад Константин Затулин (председатель Комитета Госдумы) сказал, выступая на телевидении: «Против России открыт исторический фронт». Перед «круглым столом» я просмотрела, какие события, имеющие непосредственное отношение к данной проблеме, произошли только за одну последнюю неделю. Оказалось: литовский сейм вводит уголовное преследование за отрицание советской оккупации Литвы; президент Молдовы – издает Указ о дне советской оккупации; на заседании Государственной Думы на прошлой неделе предложено провести парламентское расследование того, что в начале 90-х гг. под крышей администрации Ельцина была создана команда специалистов по подделке исторических документов советского, в основном сталинского, периода с целью опорочить советское правление. Теперь, по мнению некоторых депутатов, фальшивые документы гуляют по многим источникам, в том числе и научным, формируя у людей искаженное мнение о нашем прошлом.

Уважение к прошлому – не благое пожелание, а насущная потребность нашего общества. Без возрождения уважения к истории, какой бы она ни была, невозможно возрождение страны.

Глубочайший кризис нашего общества – во многом результат искажения нашей истории, прежде всего советской. Почему это происходит, почему это произошло?

Во-первых, потому, что, искажая прошлое, мы перестаем понимать настоящее. Ведь прошлое – в природе и структуре общества. В условиях искажения прошлого перестают действовать многие методы, позволяю-

щие понять настоящее. Например, компаративный метод. Если в прошлом все было плохо, то настоящее на этом фоне выглядит вполне благополучным. И наоборот, если в прошлом все было замечательно, то настоящее представится еще менее привлекательным. В условиях искаженной картины прошлого теряет смысл исследование причинно-следственных связей.

Во-вторых, в условиях искажения прошлого теряется присущая человеку (и обществу) способность предвидеть (в какой-то мере) будущее. Жестко и точно ответил З. Бжезинский еще в 90-е гг. на вопрос: «Г-н Бжезинский, каким вам видится будущее России? – Будущее России столь же неопределенно и непредсказуемо, как ее прошлое». Не поэтому ли все многочисленные проекты возрождения России живут в лучшем случае несколько лет?

Отбрасывание своей истории и своего прошлого опыта ведут к утверждению метода копирования, имитации чужеродных моделей и образцов.

В-третьих, в условиях искажения прошлого деградирует социокультурная сфера общества. Происходят: отказ от национальной культуры и замена ее не лучшими видами западной культуры (Алексий II: мы перепутали краны западной культуры и вместо крана с чистой водой присосались к крану со сточными водами); деградация нравственной атмосферы, в которой, даже в советское время, преобладали православные ценности.

В-четвертых, искажение прошлого открывает путь самым деструктивным процессам в обществе:

экономика страны была отброшена далеко назад потому, что советская экономика (вторая экономика мира!) была объявлена затратной, нерентабельной, нереформируемой;

хребет любого общества – государство – было объявлено сугубо тоталитарным, заслуживающим только устранения;

даже самые либеральные организации под влиянием ложной картины прошлого претерпели необратимую деградацию, превратившись в ненациональную, асоциальную, антипатриотическую силу, по свидетельству видного идеолога СПС Алексея Кара-Мурзы.

Таким образом, можно уверенно сказать, что важнейшую роль в негативных процессах, имевших место в российском обществе, сыграло неуважение господствующих в обществе сил к прошлому страны.

© Социологический центр РАГС,2010